

— Было 4 часа утра 23 октября 1978 года.

— В приёмном покое нам вызвали такси. Мы молча ехали домой по пустынному ночному городу. В голове у меня стучало: - Это всё. Это конец. Мама умирает. Больше живой я её не увижу. Понимает ли это папа? Он встревожен, напуган даже, но до конца случившегося не осознаёт. Или не может допустить самого страшного.

— Я был теперь уверен, что у мамы кровоизлияние в мозг. Вспоминалось, как в Ладушкине мы выносили из квартиры парализованную тётю Тоню, которая умерла на следующий день.

— Дома мы с отцом сидели за кухонным столом и курили одну сигарету за другой. Сашуля сидела с нами.

— - Похоже, что это - кровоизлияние в мозг, - проговорил я с трудом. - Думаю, что шансов мало.

— У отца в глазах появились слёзы. Он молчал, качая головой. Опять мы тяжело вздыхали и курили. Наконец я решил что-то делать.

— - Надо пойти попробовать позвонить или дать телеграммы Милочке и Любе, пусть срочно приезжают.

— Отец закивал головой.

— Я пошёл на почту и заказал разговоры с Протвино и Севастополем. Соединили сравнительно быстро. В Протвино трубку взял Жора.

— - Жора, отправляй срочно Любу в Калининград. Маме очень плохо. Увезли в больницу. Судя по всему - кровоизлияние в мозг.

— - Хорошо, Саша, не беспокойся, обязательно. К телефону её позвать?

— - Не надо. Передай, что сказал. Не могу говорить, трудно. Плохо дело. - И положил трубку.

— С Милочкой тоже говорил очень коротко:

— - Приезжай скорее, прилетай. Маме очень плохо. Кровоизлияние в мозг.

— А впереди ещё был звонок в больницу. Надежды у меня почти не было. С ужасом и тоской думал я о том, как возьму трубку, и что мне там скажут.

— Но вот и этот момент наступил.

— Шёл девятый час утра. Иринку отправили в школу. Митя спал ещё. Я пошёл звонить по автомату, что напротив нашего дома. Набрал номер, который дала мне врач, спросил:

— - Скажите, пожалуйста, в каком состоянии сейчас больная Намгаладзе, которая поступила к вам ночью.

— - Сейчас узнаю.

— Жду. У самого внутри всё сжато. Через некоторое время другой уже, но тоже женский голос спрашивает:

— - А кто говорит?

— - Сын.

— Небольшая пауза. И вот оно:

— - Она умерла.

— - Когда?

— - В восемь часов утра.

— Это значит - только что. Молчу. И там молчат. Неожиданно для себя спрашиваю:

— - Что нужно делать теперь?

— - Завтра приезжайте сюда в больницу, в морг, там вам всё объяснят.

— Я по инерции ответил: - Спасибо, - и положил трубку.

— Вот и всё.

— Я поднялся в нашу квартиру. Отец и Сашуля не успели и спросить у меня ничего, как я сказал:

— - Всё. Она умерла в восемь часов утра.

— Отец рухнул на колени и завыл, уткнувшись лицом в диван... Снова я иду на почту. Даю телеграммы Милочке, Любе, в Ленинград тётке Люсе, в Сестрорецк дяде Вове, во Владимир. Сашуля звонит Прохоровым, Куликам...

— Отец заливается слезами, рыдает и бормочет одно: - Что я наделал, не уберёг, Лилечка моя! Она лежит там одна!

— Он совершенно невменяем.

— Приезжают Прохоровы, Кулики, Машавцы, Сидоровы, утешают его.

— Появляются наши друзья, все предлагают помощь.

— Надо заказывать гроб - это просто, а вот место на кладбище, которое в черте города, а не у чёрта на куличках, в Космодемьянском, - это только по благу в горисполкоме, который есть у Куликов, за что и берётся тётя Фруза. Венки нужны. Одежда в последний путь. К поминкам - водка, закуска. На всё нужны деньги, нужны распоряжения. И нужно это всё не маме... Отец достаёт 700 рублей и передаёт мне:

— Вот, мамочка везла тебе, от продажи гаража, а оказалось - себе ... на похороны! - и рыдания усиливаются. Папа всё время перебирает мамины вещи, гладит её чёрную бархатную шапочку.

— Первой из родных приехала, прилетела, точнее, Люба - в тот же день вечером. Телеграмма о смерти мамы в Протвино её уже не застала. Она узнала об этом от Лебле, спускавшихся от нас по лестнице и первыми встретившихся с ней. Эта весть не поразила её, похоже, она была готова к этому. Чтобы уснуть, вечером мы пили с отцом и Любой водку.

[\(продолжение следует\)](#)

[Главная страница](#)

[Путеводитель по "Запискам рыболова-любителя"](#)